

НЕИЗВЕСТНЫЙ, ДАНТЕ И ДОСТОЕВСКИЙ

А.М. Кулькин

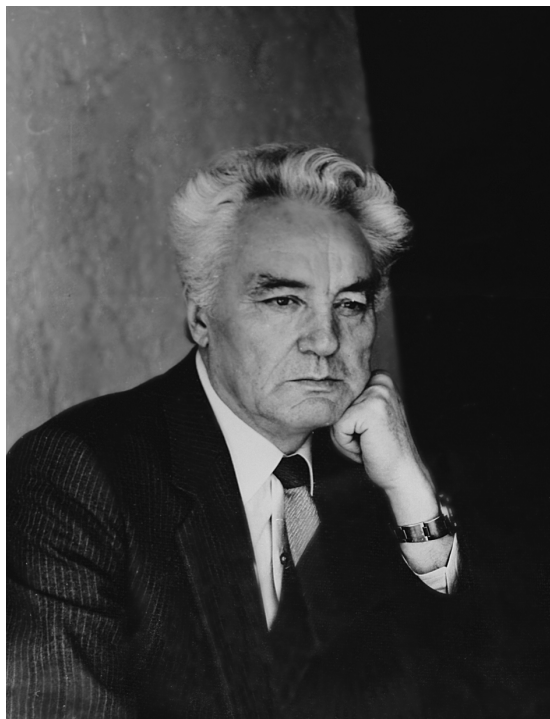

СУДЬБА

Посвящается Эрнсту Неизвестному

Знакомство с Эрнстом Неизвестным состоялось своеобразно. В первой половине 60-х годов прошлого века в высотном доме на Котельнической набережной в квартире писателя Степана Злобина часто бывали гости. Я как-то его спросил: “Степан Павлович, когда же Вы работаете? У Вас, по-моему, каждый день гости”. Он добродушно рассмеялся и сказал: “Мое святое время работы с пяти до девяти часов утра. Ежедневно, когда мои близкие просыпаются, я заканчиваю свой рабочий день”. И добавил: “Бывают рабочие дни и по десять часов. Гости, как ты их назвал, — это прототипы, прообразы моих персонажей в историческом романе, над которым я сейчас работаю.” Роман назывался “Утро века”, первая книга которого вышла после его смерти (1965) в 1967 году под названием “По обрывистому пути”. В этом доме я и познакомился с бывшей политзаключенной, которая во время одной из встреч пригласила меня к себе на “посиделки”.

Встреча у нее на квартире состоялась через несколько дней после знакомства. Она пригласила свою подругу по лагерю с оригинальной фамилией — Лондон, кроме меня был приглашен Рой Медведев. Разговаривали о лагерной жизни. Медведев задавал много вопросов, все ответы на них записывал и рассматривал их как свидетельства очевидца. Неожиданно в разговор вступила Лондон. Она начала с фразы: “Нас, заключенных, реабилитировали и выпустили из лагерей. Мы, реабилитированные, благодарны Н. Хрущеву”. И тут же переключилась на судьбу Эрнста Неизвестного и его семью. Я спросил, знает ли она адрес мастерской Эрнста Неизвестного? Она спокойно его назвала: Большой Сергиевский пер., номер дома. Буднично спокойный тон ответа убедил меня, что адрес назван точно и верно, нет никакой необходимости его дополнительно уточнять. Я проявил интерес к Э. Неизвестному потому, что он был одним из активных участников выставки “30 лет МОСХа” (01.12.1962). Посещение ее Н. Хрущевым закончилось разгромом, который я воспринял как идеологический рецидив стали-

Анатолий
Иванович Кулькин.
1980-е годы

низма, свидетельствующий о продолжении уничтожения интеллигенции в нашем Отечестве, геноцида собственного народа. Это большая беда всего “советского” народа и каждого из нас. Было очевидно, что Э. Неизвестный нуждается в поддержке. Я хотел знать, в какой мере она ему нужна и смогу ли я ее ему оказать.

Вскоре “посиделки” закончились. Мы поблагодарили хозяйку квартиры и ее подругу за приглашение и ушли. На всякий случай мы обменялись телефонами с Медведевым. У меня было желание продолжить знакомство с Роем, но наши отношения как-то не сложились. Я был перегружен работой до предела, не смог сразу перезвонить, а потом время стерло из памяти попытку продолжить наши отношения.

Я воспользовался информацией, полученной на “посиделках”, в на-

чале лета 1964 года, после того, как освободился от продолжительной работы в качестве редактора текста, подготовленного небольшой группой при секретаре ЦК КПСС Л.Ф. Ильичеве. Поиск мастерской Э. Неизвестного оказался удачным. Я хорошо знал улицу Сретенку. Большой Сергиевский был первым переулком по левой стороне Сретенки. Мне крупно повезло — мастерская была открыта. Я вошел в странное помещение с высоким потолком. Напротив входа, метров в пяти от него, начиналась крутая лестница, ведущая не то на чердак, не то во внутреннюю мансарду, которая служила местом отдыха и трапезы. Меня встретил хозяин мастерской, невысокого роста, производивший впечатление здорового, крепкого телосложения крепыша. Я представился, сказал, что работаю в издательстве Академии наук СССР, являюсь заместителем главного редактора по изданию научной литературы по общественным наукам, отметил, что могу оказаться полезным ему. Знакомство состоялось просто и естественно. Он проявил себя весьма общительным человеком. Тут же предложил посмотреть свои работы, в том числе и те, которые побывали на выставке в Манеже. Его малые скульптуры меня приятно удивили и породили во мне внутренний восторг, они воспринимались живыми существами. Ничего подобного я не видел ни в музеях, ни на площадях многочисленных городов, в которых бывал. Экспрессивность скульптурных фигур передавалась через ярко выраженную напряженность мускулатуры

и всего тела, сотворенного художником. Пластические и иные, более жесткие, материалы, например, мрамор в руках Эрнста Неизвестного приобретали художественно выразительный образ, способный вызывать у зрителя разнообразные ощущения вплоть до противоречивых глобальных страстей рода человеческого, предупреждение о возможном Апокалипсисе. Для меня было очевидно, что Неизвестный обладал редкостным, уникальным талантом, данным ему природой — это был Дар Божий. Так я воспринял его творческие работы при первой встрече. Значимость малых скульптур, их величие вызвали у меня чувство глубокого удовлетворения. В последовавшие годы я часто бывал у него в мастерской, неоднократно был свидетелем процесса творения, особенно гравюр. Поражала его трудоспособность, он был неутомим. Тогда он интенсивно работал над серией графических рисунков, вошедших в знаменитый альбом “Гигантомахия”. Небольшое отступление. О его феноменальной трудоспособности свидетельствует щедрый дар Музею изобразительных искусств им. Пушкина и Третьяковской галерее: по несколько сотен каждому, а обоим вместе — больше тысячи.

Мои с ним приятельские отношения быстро переросли в дружбу. Приблизительно через год или два после нашего знакомства я предложил Эрнсту предпринять попытку “выбить”, приобрести помещение под мастерскую. Возник вопрос — к кому обратиться. Я назвал В.Д. Тепферова, чиновника, куратора по вопросам культуры страны. Его должность входила в структуру Совета Министров СССР. Познакомил с ним нас, меня и заведующую редакцией экономической литературы В. Б. Высоцкую, директор издательства АН СССР Назаров, вернувшийся с поста министра культуры СССР в издательство. Назаров, знакомя нас, произнес сакраментальные слова: “Держите его на крючке, он еще пригодится издательству”. Я запомнил этот совет и держал “его на крючке”, время от времени привлекая в качестве редактора за символическую плату. Вся эта “процедура” находилась под моим жестким контролем. Тепферов по определению не мог быть редактором: боялся текста и не знал, что с ним делать. Поэтому необходимую правку я проводил сам, а в вышедшей книге он значился редактором, что доставляло ему глубокое удовлетворение.

“Флирт” с ним продолжался приблизительно полгода, когда мы поняли, что предоставить достойное помещение под мастерскую он не может. Это не его сфера деятельности. Дважды он пытался это сделать в качестве посредника, но оба раза предлагалось не то, что было нужно. Его сфера — это театральная и концертная деятельность. Он мог составить протезе любой актрисе и заказать для нас билеты в любой театр или на концерт знаменитого артиста или музыканта, чем мы и пользовались. Так, на концерт Вана Клиберна, пианиста,

СУДЬБА

заяввшего первое место на конкурсе им. Чайковского, я через него приобрел 50 билетов, обеспечил билетами всех своих друзей и знакомых.

“Малые произведения” Данте

Интересен феномен восприятия времени. Мне казалось, что я знаком с Эрнстом давно, около десяти лет. На самом деле это было не так. Утрата ощущения времени была вызвана, вероятно, чрезмерной нагрузкой на работе. Как бы то ни было, наступил 1967 год, когда в издательстве началась активная подготовка текста “Малые произведения” Данте к изданию в серии “Литературные памятники”. Об этом я сообщил Э. Неизвестному и предложил выступить в роли художника иллюстраций к ним. Я высказал свои пожелания, фактически требования. Во-первых, никому ни одного слова о том, что ты привлечен в качестве автора иллюстраций к этим произведениям. Во-вторых, гравюры должны быть сделаны в сжатый срок, сдача в набор текста намечена на сентябрь. В-третьих, мы должны показать их ответственному редактору И.Н. Голенищеву-Кутузову и получить от него одобрение. Мое предложение и условия были приняты с удовлетворением. Никаких вопросов не последовало. Приятно иметь дело с умным и сообразительным человеком. Мы оба, не говоря ни слова, приняли решение: пусть выход книги с гравюрами Эрнста для наших доброжелателей станет неожиданным подарком, а для недругов — поводом огорчения и досады.

Пока Эрнст работал над гравюрами к “Малым произведениям” Данте, я навел справки об ответственном редакторе этого издания и обратился к заведующему редакцией, сотрудники которой работали с текстами серии “Литературные памятники”, А. Стерлигову. С ним у меня давно сложились дружеские отношения. К слову, с ним я договорился и о том, что он подержит кандидатуру Э. Неизвестного в качестве художника иллюстраций к данному изданию. Дело в том, что официально было два ответственных редактора: М.П. Алексеев и И.Н. Голенищев-Кутузов. Первый вопрос к Андрею — с кем из них иметь дело, кто будет решать судьбу иллюстраций Э. Неизвестного, когда он закончит работу над ними. Он (Андрей) назвал Голенищева-Кутузова, потому что он крупнейший специалист по творчеству Данте, блестяще владеет итальянским языком. Им сделаны к “Малым произведениям” переводы прозы и стихов, в том числе и о “Каменной даме”.

Вскоре позвонил Эрнст и сообщил, что иллюстрации готовы. Как всегда, с опережением установленного срока. Я тут же перезвонил Голенищеву-Кутузову. Трубку сняла женщина. Она сказала, что к телефону подойти он не может. Я изложил суть вопроса, в связи с которым нам необходимо встретиться с... Я назвал имя Голенищева-Кутузова (которое спустя почти пол-

А. Кулькин
Неизвестный,
Данте
и Достоевский

Эрнст Неизвестный
и Анатолий
Кулькин. Рисунок
Э. Неизвестного

века я забыл), попросил назвать место и время встречи с ним. Тот же спокойный женский голос мне ответил: “Он болен, но встретиться с ним можете, только дома в течение дня”. Назвала адрес.

Через день мы с Эрнстом были на квартире И.Н. Голенищева-Кутузова. Нас встретила женщина; по тембру голоса я определил, что накануне по телефону я разговаривал именно с ней. Манера и тон ее речи тогда и сейчас имели четко выраженную особенность: она здесь посторонний человек. Пока я размышлял, как поступить, она открыла соседнюю дверь, ввела нас в комнату и произнесла одну только фразу: “У него постельный режим после инфаркта”. Перед нами на низкой тахте лежал Голенищев-Кутузов. Он сделал попытку привстать, но передумал и лёг во весь свой рост в постель, ноги остались на мгновение открытыми. Нам представилась кратковременная возможность созерцать аристократические, костлявые, длинные ноги. Владелец этих ног в этот момент внимательным взглядом рассматривал нас: “прошёлся” взглядом по моей персоне, затем перевел взгляд на Эрнста. На лицо лежащего в постели набежала тень, она-то и послужила для меня сигналом к действию. Обратившись к Голенищеву-Кутузову, я назвал себя представителем издательства Академии наук, представил Эрнста, сказав при этом, что он сотворил великолепные гравюры к “Малым произведениям” Данте и выразил надежду, что он их одобрит. После краткого моего вступления Эрнст приступил к показу иллюстраций.

Он, как фокусник, извлекал из широкоформатного планшета гравюры. Первая из них произвела фурор. Об этом свидетельствуют с восторгом произнесенные Голенищевым-Кутузовым слова: “О, Каменная Дама!” (подрисуночная подпись ори-

СУДЬБА

гинала гравюры “Стихи о Каменной Даме”). Разнородная ментальность нашего микроколлектива из трех человек моментально трансформировалась в единый интеллектуальный менталитет. У нас возникло глубокое взаимопонимание. То же самое повторилось с женским групповым портретом.

Голенищев-Кутузов назвал его “Новая жизнь” (подрисуночная подпись оригинала гравюры “Новая жизнь”). Я посмотрел на своих коллег “другими глазами”, как на крупнейших специалистов в постижении интеллектуального наследства Великого Данте. Мера моего восхищения ими не имела границ. <...> Таким образом, визит к И.Н. Голенищеву-Кутузову был весьма успешным. В сентябре 1967 года рукопись “Малые произведения” Данте была сдана в набор, а в конце марта 1968 года книга вышла в свет.

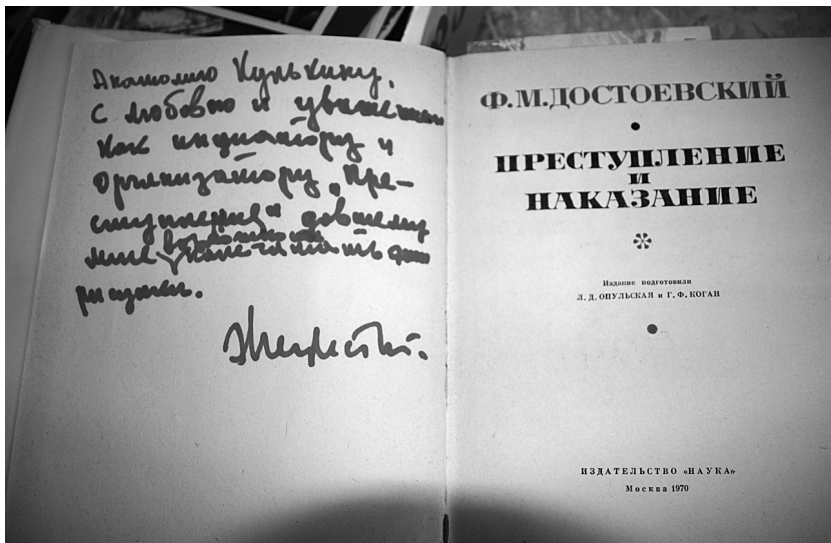
Академическое издание романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”

Вслед за “Малыми произведениями” Данте в серии “Литературные памятники” в соответствие с планом значилась подготовка и издание романа М.Ф. Достоевского “Преступление и наказание”. Об этом я сказал Э. Неизвестному осенью 1967 года, после подписания в набор “Малых произведений” Данте. Зная творческий потенциал Эрнста как художника, передо мной стояла задача предоставить ему реальную возможность сотворить иллюстрации по мотивам деятельности персонажей этого выдающегося художественного произведения. Вывести Эрнста один на один с Достоевским. Нельзя упустить такой шанс. Он бывает только один раз. Его необходимо реализовать здесь (в России) и сейчас (в процессе подготовки и выпуска академического издания в свет).

В течение десятилетия активной издательской деятельности я убедился в том, что юридические и физические лица с самыми различными мировоззренческими позициями, от передовых до махрового сталинизма, представлены во всех государственно-партийных и общественных структурах, с самого верха и до самого низа.

Такова была общемировоззренческая ситуация в стране. Несмотря на это обстоятельство правильное решение можно было принять, просчитав все факторы “за” и “против”. Конкретный пример — академическое издание книги Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”. “Малые произведения” Данте вышли в свет на удивление спокойно. Никто не ожидал от издательства “Наука” такого подарка. Поэтому говорить и тем более использовать опыт этого издания неуместно. Издание “Преступление и наказание” Достоевского “скрыть” было невозможно. Добровольные “стукачи”, они же блюстители чистоты “социалистического реализма” внутри издательства и вне его, его прочно обосновавшиеся в Комитете по печати¹,

¹ Речь идет о Государственном комитете Совета Министров СССР по печати.

А. Кулькин
Неизвестный,
Данте
и Достоевский

Дарственная
надпись
Э. Неизвестного
А.И. Кулькину
на книгу
Ф.М. Достоевского
“Преступление
и наказание”.
(М., Наука. 1970)

Союзе художников, аппарате ЦК КПСС и других ведомствах, на этот раз были бдительны.

В этой, чуждой для меня среде, было немало людей-пустословов (болтунов). Таким был в издательстве “Наука” Н.А. Седельников, художник-шрифтовик, его узкая специальность — оформление переплетов для партийных документов и официальных изданий. Работал по договорам, но приходил в издательство два—три раза в неделю, в отдел художественного оформления. Здесь-то он и получил информацию о том, что издательство намерено привлечь Э. Неизвестного в качестве автора иллюстраций к роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”. Теперь каждый его приход в издательство сопровождался заклинанием: “Э. Неизвестный — персона нон грата”. Он, когда я его спросил, не мог толком объяснить, что означает этот термин. Но твердил, повторял, что “у вас будут большие неприятности. Пока не поздно, откажитесь от своей затеи”. Не исключено, что он был первым, кто сообщил в Комитет по печати об этом намерении издательства.

Я и А. Стерлигов, заведующий редакцией, которая профессионально осуществляла подготовку текстов к изданию в серии “Литературных памятников”, — ориентировались на людей, имеющих иное научно-обоснованное мировоззрение. Принимая решение по данному вопросу, мы исходили из того, что следует рассчитывать только на себя, на свой профессионализм, умело и последовательно привлекая единомышленников. В связи с этим особо следует сказать об академике Н.И. Конраде. Он был Председателем редакционной коллегии серии “Литературные памятники”, в то время привлекался Председателем Президиума Верховного Совета СССР в качестве консультанта и эксперта по проблемам исторического

СУДЬБА

и культурного развития стран Востока и Запада. Прежде чем приступить к изданию “Малых произведений” Данте и “Преступления и наказания” Достоевского с гравюрами Э. Неизвестного необходимо было заручиться согласием и поддержкой Н.И. Конрада. Их заочное знакомство состоялось в 1967 году, когда Неизвестный представил в редколлегиях литературных памятников иллюстрации к произведениям Данте, и они с удовлетворением были приняты. На этот раз ситуация была иная. Я хорошо знал Эрнста, мы были друзьями. С Н.И. Конрадом я познакомился, работая в издательстве АН СССР, относился к нему с глубоким уважением. Он был крупнейшим востоковедом. Его основные труды по литературе, языкознанию, истории и особенно истории культуры Японии, Китая обрели мировую известность. В силу сложившихся обстоятельств я познакомил Эрнста с И.Н. Голенищевым-Кутузовым, а теперь я был озабочен необходимостью познакомить его с Н.И. Конрадом. <... >

Первая встреча и знакомство Неизвестного и Конрада состоялись летом 1969 года (точная дата мною не зафиксирована) в кабинете директора издательства “Наука” (Подсосенский переулок, 21). Эрнст принес с собой специальный планшет гравюр, на которых были изображены персонажи из его знаменитого альбома “Гигантомахия”. После просмотра гравюр наступило молчание. Оно длилось минуту или чуть меньше. Во всяком случае, во мне успела появиться тревога: значит, гравюры не понравились? Я взглянул на Эрнста, его глаза и лицо выражали внутреннее удовлетворение. В этот момент я едва расслышал слова, произнесенные Конрадом: “Я ничего подобного не видел... Превосходно”. Эрнст тут же подарил ему наиболее понравившиеся гравюры. Здесь же договорились о встрече, теперь уже в мастерской Э. Неизвестного. В мастерскую Николай Иосифович приехал с женой спустя неделю. Знакомство с работами Эрнста и доброжелательное их обсуждение продолжалось около трех часов.

Работая над гравюрами по мотивам и образам романа Достоевского, Эрнст не ограничился только этим произведением, а изучил и доступное ему литературное наследие автора романа, имеющее к “Преступлению и наказанию” непосредственное отношение. Одновременно он довольно часто встречается с моим сокурсником Ю.Ф. Карякиным, проявившим себя уже в то время профессионалом по наследию Ф.М. Достоевского. Интенсивное изучение его творчества позволило художнику своими рисунками, говоря словами Н.И. Конрада, раскрыть замысел Достоевского “исключительным проникновением [в] тайны этого поразительного произведения”. В конце 1969 года Эрнст закончил работу над гравюрами. Естественно, они были в первую очередь представлены Н.И. Конраду и было получено от него достойное благословение, а в начале 1970 года — завершена коллективом специалистов работа над академическим

изданием романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” (общий объем около 60 учетно-издательских листов).

Наступил ответственный момент: сдача текста в набор, а затем подписание в печать. Мы ориентировались на “Малые произведения” Данте в той же серии (Литературные памятники), издание которого не вызвало каких-либо эксцессов со стороны Комитета по печати при Совете Министров СССР. Мы надеялись, хотя полной уверенности на спокойный, бесконфликтный выход книги в свет не было. Кто такие “мы”? Ни “Малые произведения” Данте, ни “Преступление и наказание” Достоевского не могли бы выйти в свет без активной поддержки заведующего редакцией истории культуры и искусства А.Б. Стерлигова, без не менее активной позиции заместителя директора по полиграфии Н.Е. Брусиловского. Директор издательства А.М. Самсонов дал согласие на выпуск книги, но занял позицию наблюдателя. Нас, его сотрудников, это вполне устраивало. Особо следует отметить редакционную коллегию серии “Литературные памятники” во главе с ее Председателем академиком Н.И. Конрадом.

Для того чтобы ошутить политическую конъюнктуру описываемого исторического момента, совершим небольшой экскурс. 60-е годы прошлого века — особое время в истории советского периода России: происходил интенсивный процесс трансформации общества. В результате осуждения культа личности Сталина (1956 год, XX съезд КПСС) и массовой реабилитации, в том числе и посмертно, миллионов безвинно репрессированных людей, в обществе появились большие надежды на обретение свободы и демократии. Одновременно наблюдаются разочарование и протесты, феномен диссидентства, потому что нравственно и духовно искалеченное (отравленное неограниченной властью) политическое руководство страны в лице Н. Хрущева и приближенных к нему партийных боссов проводит без суда и следствия превентивные аресты, в том числе и инакомыслящих (отказались от них в начале 90-х годов), организует под флагом борьбы с формализмом и абстракционизмом так называемые встречи с творческой интеллигенцией. Таких встреч было три: две в декабре 1962 и одна в марте 1963 года. На самом деле это было грубое и невежественное вмешательство власти в сферу литературы и искусства. Объективно эти встречи означали разрушение духовного потенциала нации, они же стали и началом продолжения уничтожения интеллигенции как социальной прослойки (класса), выполняющей важнейшую функцию осмысления происходящих текущих и кардинальных перемен в обществе, сохранение и утверждение чести и совести нации. Конкретные события, происходившие во время этих встреч, в начале 70-х годов были свежи в памяти широкой художественной литературной и научной общественности. Как раз это обстоятельство и привлекло пристальное внимание многих представителей этой общест-

СУДЬБА

венности к судьбе романа Достоевского. Именно к ним издательство было вынуждено обратиться за поддержкой.

Итак, издание романа было подписано в печать 25 мая 1970 года. Накануне, на этапе верстки, я обратился к заведующей редакцией технического редактирования, не посвящая ее в свой замысел, с просьбой: разместить подрисовочную подпись (название гравюры) не на наклейке с иллюстрацией, а внизу на текстовой контрполосе. Верстка книги лежала у нее на столе. Оказывается, моя просьба совпала с ее предложением сделать это по чисто профессиональным соображениям, она не знала к кому обратиться. Я взял ответственность за реализацию теперь уже нашего совместного решения на себя. Она знала, что я являюсь зам. главного редактора издательства. “Операция” по сохранению и упреждению любой попытки изъять наклейки была проведена аккуратно и без свидетелей. Об этом, кроме нас двоих, никто не знал и не должен был знать до момента, когда “печать издания будет произведена полностью” тиражом 35 тысяч экземпляров. Все полиграфические работы по изданию романа Достоевского проводились в Первой типографии издательства “Наука”, в Ленинграде.

Спустя полтора—два месяца после моей встречи с техническим редактором позвонил Эрнст и говорит: нам нужно срочно встретиться. Я ему ответил, подъезжай к издательству я тебя встречу. Рядом с издательством на улице Обуха находится Музей восточных культур. Встретив Эрнста, я привел его во дворик этого музея. Я использовал это место летом в качестве своей “резиденции” для доверительных бесед с друзьями и знакомыми. Здесь было удобно и даже уютно. Мы разместились на одной из скамеек. Первое что он мне сказал: “Я из мастерской, только что расстался с бригадой сотрудников КГБ из пяти человек; с ними иллюстрации из книги, не рискуй. — Хорош сюрприз — ответил я ему. Ты считаешь, что их визит к тебе связан с изданием романа? Комитет госбезопасности пасёт, опекает тебя постоянно. Ты к этому должен привыкнуть. Я не вижу связи с визитом бригады сотрудников КГБ к тебе и выходом книги с твоими иллюстрациями. Это, во-первых. Во-вторых, я не могу принять твое предложение снять твои гравюры из почти готовой книги. Она находится в печати. Эрнст, мы с тобой перешли свой Рубикон. Я принял окончательное и бесповоротное решение, когда роман Ф.М. Достоевского находился на этапе верстки. Твои гравюры “впяяны” в текст книги, чтобы ненароком они не были изъяты. Никто ничего не изменит. Ситуация на сегодняшний день такова: или книгу выпустить в свет с твоими гравюрами, либо уничтожить весь тираж. На последний вариант едва ли кто-нибудь решится. В-третьих, тебя могли арестовать после выставки в Манеже, тем более что в это время превентивные, без суда и следствия, аресты проводились по всей стране, но этого не произошло. Тебя, скорее всего, вынудят покинуть родное Отечество. Не случайно Хру-

А. Кулькин
Неизвестный,
Данте
и Достоевский

Э. Неизвестный 18.

Толе от Эрнста.

“Толе от Эрнста”.
Рисунок Эрнста
Неизвестного (одна
из иллюстраций
к роману),
подаренный
Анатолию Кулькину

шев на одной из “творческих” встреч в пылу азарта предложил тебе паспорт на выезд из страны”.

Я понимал, что Эрнст, предлагая мне снять иллюстрации, руководствовался тем, чтобы вывести меня из-под удара, больших неприятностей, в случае его ареста. Это была его врожденная реакция не навредить, не подвести друзей и просто людей, оказавшим ему услуги. Такая озабоченность моей судьбой мне

СУДЬБА

была приятна. Подобные ситуации у него были неоднократно при других обстоятельствах и с другими людьми. Такое поведение делало ему честь. Не каждый на это способен.

Закончилась наша беседа тем, что Эрнст сделал мне другое предложение: принять участие в игре с командой сотрудников КГБ, навязанной ему. Кто кого переиграет. Это предложение я принял. В течение приблизительно трех месяцев мы активно общались в основном с тремя сотрудниками КГБ. Один из пяти исчез из поля нашего зрения в самом начале их появления. Другой, по национальности цыган, пригласил нас в гости. Приглашение нами было принято. Квартира находилась в одном из переулков в районе Кутузовского проспекта и по тем временам была вполне приличной, вся в коврах. Нам устроили небольшую вечеринку с цыганскими романсами под гитару. Самый любопытный факт: после этого вечера мы его больше не видели. Основным местом встреч был Дом журналиста, где в те годы всегда были чешское пиво и раки. Третий персонаж из этой команды, по прозвищу Байрон, был занят организацией поездки в гости к медвежатнику, в его хижину, на восточном берегу озера Байкал. Реализовать это мероприятие Байрону не удалось. Ведомство, в котором он служил, в августе 1970 года вместо Байкала направило его как профессионала, свободно владеющим чешским языком, в Прагу. Там, спустя два года после Пражской весны, назревала очередная политическая заварушка. Четвертый член команды был просто для его ведомства надежной шестеркой. Почему-то люди такого типа в КГБ высоко ценились. Пятый член команды (бригады), ее руководитель — Л. С. Коношенко, мы ему дали прозвище бригадир. Бывший кремлевский курсант, подполковник КГБ нередко доставлял Эрнсту крупные неприятности. Одна из них: как-то в мастерской пьяненький подполковник, от спиртного он становился дурным, затеял с Эрнстом драку. Руки скульптора — это клещи. В один миг Эрнст скрутил его в бараний рог. В этот момент в мастерской появился Е. Евтушенко. Эрнст обратился к нему с просьбой: Женя, мне нужна бечёвка, найди и подай ее мне, Эрнст находился со своим визави в помещении типа внутренней мансарды. Женя сбегал на Сретенку, не найдя бечевки, купил... женскую ночную сорочку. Подполковник, связанный сорочкой, вскоре заснул.

Я пытался понять для чего руководство КГБ направило своих сотрудников опекать таким странным образом Эрнста. Или это была одна из форм проверки в “подрывной” деятельности подозреваемого физического лица? Эта мысль возникла у меня на основе информации, полученной от моего школьного друга В. Онухова. Информация была настолько любопытной, что я познакомил его с Эрнстом. В те годы Онухов был заведующим отделом Павлодарского обкома КПСС. Систематически приезжал в Москву на курсы повышения квалификации при Высшей партийной школе. На этих курсах каждый раз вы-

ступал с обзорным докладом (лекцией) высокопоставленный сотрудник КГБ (обычно в ранге генерала). В этих лекциях-обзорах упоминался Э. Неизвестный: первоначально его подозревали в качестве ставленника ЦРУ США, затем характеризовали как художника-формалиста и, наконец, — как проверенного и надежного человека.

А между тем произошла смена председателя Комитета по печати: вместо Михайлова был назначен Стукалин. Мне по роду моей издательской деятельности эпизодически приходилось бывать в Комитете, с сотрудниками которого у меня были сугубо официальные отношения. Но с одним из них сложились приятельские отношения. Мы оба в разные годы окончили один и тот же факультет МГУ — философский. Этого было достаточно для получения от него информации о стратегических затеях, намерениях нового руководства Комитета по печати. Именно он раньше официального запроса сообщил мне о том, что Стукалин дал указание затребовать от издательства “Наука” объяснение, на каком основании оно привлекло Э. Неизвестного в качестве художника иллюстраций к роману Достоевского “Преступление и наказание” и поручил производственному управлению Комитета по печати изъять иллюстрации из книги.

Приблизительно в конце июня 1970 года поступил в издательство официальный запрос с требованием дать объяснение по поводу факта появления иллюстраций Э. Неизвестного в художественном произведении Ф.М. Достоевского. Об этом мне сообщил Н.Е. Брусиловский, зам. директора издательства по полиграфии. В заключение краткой беседы сказал: “Подготовь объяснительную записку совместно с заведующим редакцией. Это требование Комитета по печати.

В тот же день была подготовлена служебная записка. Мы, издатели, исходили из принципа “одни факты и никаких эмоций”, нами были соблюдены все правила издательской этики. Текст этой записки в качестве официального документа (взят из архива автора) воспроизводится ниже.

Объяснительная записка

Э.И. Неизвестный иллюстрировал в Издательстве “Наука” “Малые произведения” Данте. В процессе работы над этими иллюстрациями академик Н.И. Конрад (председатель редколлегии серии “Литературные памятники” и председатель Научного совета по истории мировой культуры) ознакомился с иллюстрациями Неизвестного к Достоевскому и выдвинул предложение использовать эти иллюстрации для готовящегося академического издания “Преступление и наказание”. Это предложение было рассмотрено и одобрено Редколлегией серии “Литературные памятники”. Директор Издательства член-корреспондент АН СССР А.М. Самсонов согласился с предложением редколлегии и с художником был заключен договор. Произведения Неизвестного получи-

СУДЬБА

ли высокую оценку и специалистов по творчеству Достоевского (академик Виноградов В.В., доктор филологических наук Бахтин М.М., Оксман, кандидат наук Опульская) как глубоко и ярко раскрывающие идеи писателя. В настоящее время книга напечатана. Необходимо добавить, что работы Неизвестного к Достоевскому, одобренные выставками, неоднократно выставлялись (Весенняя юбилейная выставка Московского союза художников, выставки эстампов, персональная выставка художника в Таллине). Они были обсуждены в Комбинате графических работ и одобрены и рекомендованы для продажи. Через АПН они (первый вариант) были проданы итальянскому издательству “Эйнауди” и опубликованы там в 1967 году. Кроме того, иллюстрации Неизвестного к “Преступлению и наказанию” были напечатаны в журнале АПН “Советская жизнь”.

*Зам. главного редактора Главной редакции
общественно-политической литературы — А.М. Кулькин
Зав. редакцией истории культуры и искусства — А.Б. Стерлигов*

Спустя одну или две недели зам. директора издательства Н.Е. Брусиловский вызвал меня к себе. Когда я вошел к нему в служебный кабинет, первое, что я увидел — высокую стопу книг на столе. Это был роман Достоевского. Почему так много экземпляров, мелькнула у меня мысль, обычно типография присылает два—три сигнальных экземпляра для проверки качества и утверждения на выпуск в свет. Натан Евсеевич, обращаясь ко мне, сказал словами известной поговорки: “Ты заварил кашу, тебе ее и расхлебывать”. И продолжил: “Надо спасать книгу. Бери 25 экземпляров и распредели их специалистам и авторитетным людям. Словом, организуй поддержку книги на выпуск в свет”. “Я Вас, Натан Евсеевич, понял. Давайте, здесь и сейчас, наметим стратегию поддержки. Предлагаю: нам надо, прежде всего, привлечь крупных ученых, чтобы они обратились к М.В. Келдышу, президенту АН СССР, с просьбой о поддержке издания произведения Достоевского. У него деловые, служебные контакты с Отделом науки ЦК КПСС. Окончательное решение за ним. С Комитетом печати и Отделом культуры ЦК КПСС мы никогда не договоримся. Затем или одновременно с учеными следует привлечь известных литературоведов, писателей и деятелей культуры”. Со стороны Брусиловского возражений не последовало. Действуй, сказал он, желаю успеха.

Конкретно кого привлечь инициативная группа (я, Эрнст и А. Стерлигов) решала, используя возможности каждого из нас, в том числе и личные контакты с деятелями науки и культуры. Так, я связался с Институтом физических проблем АН СССР, директором которого был тогда академик П.Л. Капица, имевший мировую известность. Договорился с его референтом о встрече (она вскоре состоялась в институте), который

записал всю нашу беседу. Прежде всего, я подарил Капице книгу Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”. Особо подчеркнул ее уникальность: во-первых, что она представляет собой академическое издание; во-вторых, она иллюстрирована гравюрами художника и скульптора Эрнста Неизвестного. Кратко рассказал ему о ситуации, сложившейся вокруг иллюстраций, помещенных в книге. В заключение я сказал ему: “Руководство издательства “Наука” весьма заинтересовано в том, чтобы лично Вы при первой встрече с президентом АН СССР обратились к нему с просьбой поддержать это издание по его служебным каналам с вышестоящей инстанцией”. Я имел в виду Отдел науки ЦК КПСС. На этом наша встреча закончилась. Я поблагодарил за прием и вышел из здания на территорию института, окинув его взглядом, непроизвольно всплыли воспоминания о том, что здесь совсем недавно происходила активная и бурная научная жизнь. В этом здании проводился знаменитый семинар по проблемам развития физики, получивший прозвище “Капишника”. Здесь работал и неоднократно выступал на семинаре легендарный Л.Д. Ландау, в 1968 году ушедший после автомобильной катастрофы из жизни. Мой визит к известному ученому я привел в качестве примера. Аналогичным способом инициативная группа распределила и вручила 20 экземпляров наиболее известным ученым, писателям и деятелям культуры. Пять экземпляров книги остались в качестве резерва инициативной группы. Наступил июль—сентябрь, сезон летних отпусков 1970 года, вызвавший спад бури страстей по поводу гравюр. Сторонники и противники иллюстраций Э. Неизвестного высказались. Наступил момент ожидания окончательного решения и кем оно будет принято.

Я немного знал организационную структуру ЦК КПСС. Приобрел это знание в 1963—1964 годах, когда формально числился в штате издательства, а фактически работал в ЦК КПСС, в группе секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева. Я исходил из того, что издательство “Наука” является гигантской инфраструктурой Академии наук СССР. Все научные учреждения страны, в том числе и Академия, административно подчинялись Отделу науки ЦК. Естественный ход событий поставил перед ним вопрос об окончательном решении, каким образом поступить с академическим изданием “Преступления и наказания” Достоевского. В связи с этим руководство Отдела науки ЦК могло в любой момент обратиться по этому вопросу к президенту Академии наук СССР М.В. Келдышу. Поэтому весьма важно было вовремя информировать его. Первыми обратились к М.В. Келдышу с просьбой поддержать академическое издание “Преступление и наказание” академики П.Л. Капица и М.А. Леонтович (оба известные физики). Он им сказал: “Не вмешивайтесь в это дело, этот вопрос будет решать другая организация и другие люди”. Мне об этом сообщил помощник академика П.Л. Капицы. Я ему звонил вскоре после моей

СУДЬБА

встречи с ними. Но другие люди (руководство Отдела науки ЦК), решая этот вопрос, могут обратиться к главе Академии и спросить его мнение. Информированные люди на этом уровне такие вопросы решают в течение нескольких минут. Если одна из сторон не информирована, то вопрос, как не подготовленный, откладывается в “долгий ящик”.

Издательство было заинтересовано как можно быстрее получить “добро” на изготовление тиража книги, которое было приостановлено по требованию Комитета по печати. Первая типография издательства “несла” большие убытки. Этот аргумент на председателя Комитета по печати при Совете Министров не действовал. Он был одержим идеей изъять иллюстрации из книги. Он не мог поверить в то, что сделать это невозможно. В третьей декаде сентября 1970 года Отдел науки ЦК КПСС принял окончательное решение: книгу выпустить в свет. Разрешение сопровождалось странной рекомендацией: тираж книги распространить за рубежом и в северных регионах страны. Несмотря на это “Соломоново решение”, представитель Комитета по печати выехал в Ленинград, в Первую типографию издательства “Наука”, чтобы провести операцию по изъятию иллюстраций. Об этом свидетельствует нижеследующий документ (взят из архива автора).

СПРАВКА

О состоянии выпуска книги Достоевского “Преступление и наказание” в типографии № 1 Издательства “Наука” в г. Ленинграде на 30 сентября 1970 года.

Печать издания произведена полностью 35 тыс., объемом 501/2 листов, форматом 70 x 90 в 1/16 долю листа. Сфальцован весь тираж. Подобрано 12490 экз., сшито 11918 экз. Изготовлено папок 20794 экз. Вставлено 11388 экз. Сдано в экспедицию 10813 экз. Распоряжение из Издательства “Наука” (г. Москва) о прекращении изготовления тиража книги Достоевского “Преступление и наказание” поступила в типографию 17 сентября 1970 г., что и было выполнено типографией.

Для переделки изготовленных 10813 экз. книг потребуется 44047 чел/часов и прямые затраты составят 44,0 тыс. рублей. Для исправления остальной части тиража необходимо 48564 чел/часов и прямые затраты составят 48, 5 тыс. рублей без стоимости материалов. Всего 92,6 тыс. рублей.

Нормативное изготовление тиража книги Достоевского составляет половину месячного плана типографии.

Макет книги и расчеты затрат прилагаются.

Главный специалист Производственного управления
Комитета по печати при Совете министров СССР — П. Орлов;
Директор 1-й типографии Издательства “Наука” — И. Федоров

В представленной справке ни одного слова об иллюстрациях. Цель визита главного специалиста Комитета по печати в типографию осталась тайной. Командировка специалиста только для того, чтобы получить сведения о состоянии, как сказано в справке, выпуска книги Достоевского, лишена здравого смысла и выглядит нелепой. Такую информацию можно было запросить и получить по телефону. По всей вероятности, главный специалист Комитета по печати узнал о решении Отдела науки ЦК КПСС находясь уже в типографии. С позиции ноября—декабря 2011 года события, о которых я вспоминаю, приобретают какой-то сюрреалистический “образ”, находящийся за пределами разума и опыта. Но такова была реальность тоталитарного режима коммунистического типа, по терминологии А. Зиновьева, реального коммунизма.

Вместо вступления ко всем последующим персональным письменным отзывам, содержащим анализ и оценку гравюр Э. Неизвестного, необходимо кратко сказать о Николае Иосифовиче Конраде.

Без его активной поддержки не было бы иллюстраций Эрнста ни к “Малым произведениям” Данте, ни к роману “Преступление и наказание” Достоевского. В начале лета 1970 года он находился в Юрмале (Латвия), на отдыхе; озабоченный мыслями о судьбе книги, посылает телеграмму на имя вице-президента АН СССР (см. ее текст ниже). Там же, в Юрмале, резко ухудшилось его здоровье. Привезли его в Москву в безнадежном состоянии. Последние его слова: “Вышла ли книга [в свет], сохранились ли иллюстрации.”

Публикуемые персональные письменные отзывы на иллюстрации Э. Неизвестного каким-то чудесным образом оказались в архиве автора данных воспоминаний. Наверняка их гораздо больше. Они сами по себе представляют научный интерес для исследователей минувшей эпохи.

Итак, первое слово — академику Н.И. Конраду, а затем представителям научной и культурной элит.